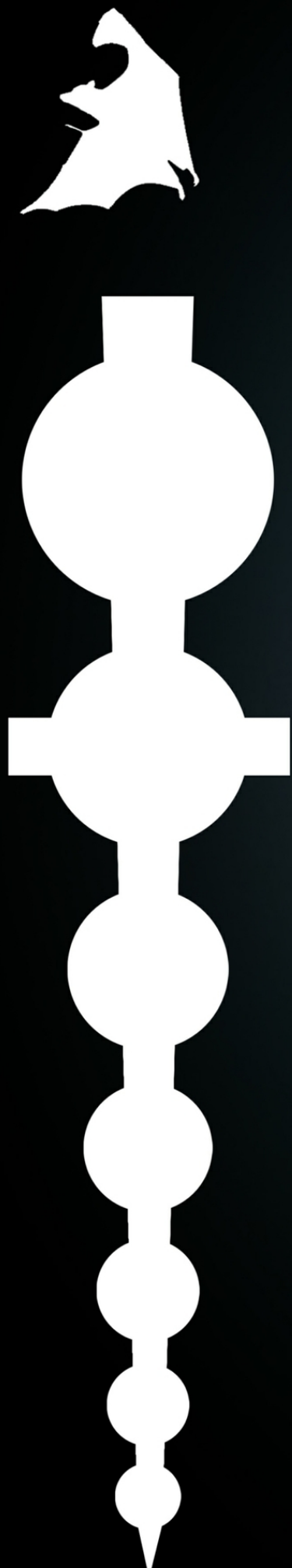

Максим Колпачев

НАДЕЖДА

Жизнь не вернёшь,
вольному - воля

16+

Максим Колпачев

Надежда

«Автор»

2010

Колпачев М. В.

Надежда / М. В. Колпачев — «Автор», 2010

Действие романа развивается одновременно в двух мирах - нашем и фэнтезийном, где, помимо людей, обитают вампиры и ведьмы. В первом главный герой, дизайнер Игорь, живет спокойной, размеренной жизнью, пока случайно не знакомится с успешным финансистом Костей, не подозревая, что их встрече суждено кардинально изменить судьбы обоих. Что касается фэнтезийной реальности, то она мрачна и жестока: большую часть суток здесь царит ночь, а люди испокон веков являются лишь скотом, пищей для высшей расы вампиров. Однако, между двумя мирами есть кое-что общее.

© Колпачев М. В., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Пролог. Горе от ума	6
Часть Первая. Штиль	8
Конец ознакомительного фрагмента.	31

«Воля может и должна быть предметом гордости гораздо больше, нежели талант. Если талант – это развитие природных склонностей, то твердая воля – это ежеминутно одерживаемая победа над инстинктами, над влечениями...» (с) Оноре де Бальзак

«Жизнь не вернешь, вольному – воля» (с) гр. Черный Кофе

Пролог. Горе от ума

Знаете это чувство, когда вам хочется кричать? Встать, открыть рот и заорать так, чтобы все люди рядом упали на пол, в ужасе зажимая руками свои маленькие нежные ушки? И – если такое было б возможно конечно – посыпалось стекло? При чем кричать отнюдь не от того, что кто-либо наступил вам на ногу или испортил новый костюм. Нет, совсем нет. Это уже не то. Орать без причины! Орать просто так! Хотя и это неверно, снова я вру. Причина, конечно, есть. В этом мире (да и других, к слову, мирах) ничего не происходит просто так. И данная ситуация не являлась исключением. Просто причина порой запрятана так глубоко, что найти её не может никто. Точнее, может-то может, но вот чтобы действительно искать... Короче, не будем лезть в дебри непонятно чего. Именно это желание – закричать – неотступно испытывал некий не столь уж молодой человек (на вид ему обычно давали порядка тридцати пяти), сидящий во главе большого, заполненного народом стола.

Человека звали Константин. Шло совещание по итогам второго квартала, а он работал финансовым директором и, конечно, не мог просто встать и начать вдруг орать. Хотя хотелось.

Ничего, успокаивал себя Константин, скоро всё это кончится. Кончится, и тогда... Под «тогда» томилось сразу несколько вариантов, но, если честно, ни один не устраивал директора до конца. Да и не очень-то он их продумывал, эти варианты. Когда ты должен внимательно слушать выступление за выступлением, вечно что-то кому-то отвечать, думать вообще довольно-таки сложно. И уж тем более, если всё это время тебе хочется кричать...

Константин был умнее каждого находящегося в комнате человека. И прекрасно знал это – финансовыми директорами так просто не становятся. Более того, об этом знали и все присутствующие. Кто-то с завистью, кто-то со злостью, а кто-то просто с добродушным восхищением, но признавал каждый: Константин умней. Он – Константин – мог уловить на лету практически любую идею, мгновенно вникнуть в суть самого сложного дела. У него было великолепно развито логическое мышление. Именно благодаря ему их компания вышла в лидеры Московского рынка...

Константин не кичился, принимал как есть. Ибо было ещё одно, о чем сотрудники просто не знали. Пожалуй, об этом не знал вообще никто на этой несчастной планете. А если бы эта мысль каким-то образом достигла-таки мозга работника «ЦентрИнвеста», тот просто отбросил бы её, как галлюциногенный бред. Трудно поверить, что один из самых талантливых финансистов столицы... ненавидит экономику, как школьный двоечник дополнительные занятия по математике.

Это началось довольно давно, когда семнадцатилетний Костя, практически ещё мальчик, поступил в какой-то там институт. Поступил просто так, нельзя же без высшего образования... По крайней мере, так говорила мать. И отец. И все сверстники пытались куда-то попасть... Очень быстро Костя обнаружил, что экономика – очередное поганое занятие для нудных дядечек из офисов и в пиджаках, но уж точно не интерес для нормального, закончившего школу парня. Но природный ум позволял легко делать любые задания, там где другие тратили сутки, Костя управлялся всего-то за час. К тому же в плане «любви» к учебе, то, что испытывал парень было вполне нормально – дай Бог если из всего потока предметы уважала хоть половина... Потом окончание пятого курса, аспирантура (в армию Константин идти не хотел просто категорически – впрочем, опять-таки ничуть не отличаясь в этом от большинства своих сверстников). И так, постепенно, наш герой и превратился в того самого нудного дядечку с офисом и в пиджаке, которых столь не любил на раньше.

Ведь одного интеллекта мало, настоящему человеку нужен стержень, сила духа. С этим у Константина было гораааздо сложнее...

Да и то сказать, разве легко уйти с работы, где твоя зарплата превышает всё то, о чем простому человеку и мечтать нельзя, а начальство, буквально, носит на руках?

К тому же, у Константина была дочь. А в муниципальных школах детей превращают в дебилов, так говорила Света, его жена. Она очень твёрдо знала, какое образование должно получить их дитя... Ещё у Константина была старая, больная мать. И много других, небогатых, но ставших вдруг близкими родственников.

Он должен был всё понимать. Должен был думать о будущем. Должен был...

– Так, ладно, хватит, – Константин встал, с удовольствием потянув взмокшую от долго сидения спину, – думаю, этого достаточно. Основу мысли Михаила я ухватил, Андрей и Сергей высказались более чем здраво. Алёна подбьет итоги, а с тебя, Аня, подробный отчёт. Ну как обычно. К Веронике Анатольевне я пойду завтра вечером, всё должно быть уже готово. А сейчас, – директор взглянул на часы, – пора заканчивать.

– Константин Георгиевич! – тут же вскочил какой-то тощий очкарик, – Константин Георгиевич! Мы же ещё не рассмотрели мой доклад о безлимитных займах под двойные проценты! Я проанализировал все ведущие банки!

Нельзя кричать, сказал себя Костя, нельзя. Уже всё равно конец. Лучше заеду к Джону – он говорил, у него сегодня должна быть первосортная травка. Обязательно заеду. И будет классно. Но кричать – нельзя.

Джон был Женя, один из «активно употребляющих» знакомых Константина. Сам Костя употреблял редко, лишь когда совсем уж выводили из себя. Раз в неделю, а то даже и две. Травка нравилась Косте, она снимала напряжение и не требовала никакого «опохмела» по утрам. Но он понимал, что это штука довольно опасная, и потому старался относиться к таким делам осторожно.

Пока вроде получалось...

– Лёш, – произнес Константин, справившись наконец-то с злым голосом внутри себя, – прочтешь доклад завтра Ане. Дальше чётко по её инструкциям, ясно?

Аня была первым заместителем директора, умной и – главное – очень энергичной девочкой. Она убила бы за место Кости. Но, тем не менее, серьезно уступала ему в аналитических разборах ситуаций. Это было нормально – ему всегда все уступали.

Судьба...

– Ясно, – немного обиженно ответил очкарик, с недовольным видом садясь назад.

Но Косте было наплевать. И на очкарика, и на какую-то там мелкую обиду... на всё. Мысли были только об одном, о том, что могло помочь сознанию удержаться на грани реальности, не соскользнуть в бездну бесконечных цифр, графиков и акций...

– Алло? – сказал он в трубку, едва покинув высокое здание, – Джон, это ты? Это Костя. Узнал?..

Часть Первая. Штиль

Обычно, если в толпе появляется красивая девушка – я имею в виду действительно, по-настоящему красивая девушка – то это никак не может остаться незамеченным окружающими. Находящиеся рядом мужчины начинают хорохориться, расправлять плечи, как бы «невзначай» бросать соседу короткие и откровенно хвастливые фразы... Кое-кто посмелей – а может, просто успевший побольше выпить – обязательно обратится к красавице и напрямую.

Я уж молчу о всяческого рода скабрёзных шутках, неизменных спутниках такого рода ситуаций...

Но на этот раз все было иначе. Мэв вошла в толпу так, словно была очередным дровосеком в дурацкой холщовой рубашке и каких-нибудь мешковатых штанах, а отнюдь не первой по красоте девчонкой всего нашего Поселка. Её конечно пропускали, поворачивали плечи, когда надо – подвигались, давая место – но не более. Глаза людей были устремлены на высокий дощатый настил, возведенный посреди площади, смотрели туда и только туда. Ведь там сейчас происходило нечто очень, чрезвычайно важное – казнили человека, и, более того, повстанца. Да, казни сами по себе у нас были не так уж и редки – раз в полтора-два месяца обязательно находилось несколько несчастных, осужденных «строгим, но справедливым» судом на, как чопорно объявлялось с помоста, «лишение головы путем единомоментного отрубания оной классическим обоюдным топором образца 7492 года»... но чтоб повстанца!.. Настоящего, без скидок, повстанца?! О нет, конечно же Владыки не были настолько глупы, чтобы объявлять о принадлежности осужденного вслух. Но слухи, слухи... Это проклятье и благословение всех власть имущих во все эпохи и времена – в зависимости от того, как уметь ими воспользоваться... В Поселениях, подобных нашему, практически ничего нельзя удержать в тайне – да и то сказать, как сохранить секрет, если каждый второй (если не каждый первый) – фактически твой знакомый? День, два – и вот уже деревня бурлит, «обмывая косточки» и вовсю обсуждая подробности произошедшего. А уж если и настоящие свидетели найдутся...

Я стоял среди толпы – настороженной, недоброй, и, как обычно, молчаливой – и в который уже раз пытался понять – что же на уме у всех этих людей? О чем они думают – вот прямо сейчас? Взгляды, все как один, были устремлены вверх – но там все стандартно: четыре бледных фигуры на помосте, еще десятка полтора – вокруг, образуя обязательное для таких случаев «кольцо ограждения». С этими все ясно – стоят практически не двигаясь, не дыша – что благородным иррам до мыслей и устремлений обычных смертных?

Но вот люди... Я смотрел в их глаза: на поднимающиеся и опускающиеся ресницы, на зрачки всевозможных цветов и оттенков – у кого-то узкие, словно срез портняжной иголки, у кого-то, наоборот, расширившиеся до края – и все никак не мог понять: что они сейчас ощущают? Опущенные руки, напряженные – но не сверх меры! – тела... И, конечно, наглухо закрытые рты. Тишина... Происходящее на помосте словно заколдовывало, завораживало всех вокруг – но не в том приятном, мистическом смысле, которое я когда-то раньше вкладывал в это слово, а... в каком-то другом. Недобром? Однозначно. Но в тоже время и не то чтобы злом, не откровенно враждебном. Хотя, будь я вместе с теми, на помосте... вряд ли смог бы держаться настолько спокойно против такой толпы. Стоящие вокруг люди смотрели, боясь пошевелиться, боясь вздохнуть – лишь бы не пропустить ни секунды из того, что произойдет здесь сейчас...

И молчали. Идеальные зрители для какого-нибудь бродячего театра – если, конечно, не считать этой мрачной напряженности, разлитой, как говорится, в самом воздухе...

За последние сорок-пятьдесят лет в наших краях не было ни одной попытки отбить приговоренных... Но так здесь встречали каждую, без единого исключения, казнь.

На ум неожиданно пришли все те исторические книжки, которыми столь много пичкали меня в детстве. И описание средневековья – одно и то же, словно однажды созданное кем-то, а потом банально раз за разом сдираемое под копирку верными последователями... И, конечно, точно такие же фильмы...

Ах, историки, историки!.. Сколько раз я слышал и читал о пьяной необузданной толпе, бурно радующейся каждой публичной казни? Как часто видел – на экране кинотеатров, конечно – массы весело вопящих человеческих фигурок на фоне дергающегося в костре инквизиции человеческого силуэта? «Одно из немногих развлечений простонародья»... «Жестокие нравы обуславливались скотскими условиями существования человека»... Так погибли Гораций, Хоммельтон, Бруно... «Лучшие умы уничтожались под свист и улюлюканье толпы»... Да, конечно у нас тут не совсем Средневековье – а кое-что так и вовсе потянет на какой-нибудь XIX век – но всё же, всё же...

Мои размышления были прерваны довольно беспардонным образом: к самому лицу приблизились чьи-то губы, и горячий шёпот полился прямо в уши:

– Игорь, ты что, заснул? Мэв здесь! Она пришла – ты что, не видел? Пошли скорее, ну!

Виталик. Ну разумеется. Разглядел-таки свою ненаглядную – и разом забыл обо всем на свете. Толпа, казнь, зачитывание приговора... Мэв здесь – разве что-то ещё имеет хоть какое значение?!

Что ж, у каждого правила, как известно, должно быть своё исключение...

– Пошли, – сказал я только ради приличия – Виталик просто сцапал рукав моей рубашки и потянул за собой: туда, где, как он видел, скрылась Мэв...

Как оказалось, девушка стояла почти у самого помоста – буквально в трех шагах от кольца ограждения, чуть ли не нос к носу с «благородными иррами».

– Привет, ребята, – почти не повернув головы, негромко произнесла она, когда мы с Виталиком прорвались-таки сквозь разномастные ряды наших односельчан и вывалились где-то в полуметре от неё. Произнесла так, словно все это время ждала нашего появления.

– Привет, Мэв, – поздоровался мой друг (причем я готов был спорить на месяц работ по усиленному графику, что только царящая вокруг ночь скрыла покрасневшие щеки парня).

– Привет, – поздоровался и я.

Продолжение беседы – если бы оно было, конечно – оказалось прервано собственно тем, ради чего мы все здесь сегодня и собрались. Началом казни.

На помост поднимался сам Витольд – сотник армии Ледяных Владык, Смотрящий нашего Посёлка и, разумеется, главнейший из всех находившихся в округе ирров. Или вампиров, если уж говорить по-людски.

Витольд был уже немолод. Недавно, по слухам, ему стукнуло полных пятьсот лет – первый порог зрелости для этого племени. Ну как для человека... где-то порядка сорока, наверное. Лицо Смотрящего выглядело под стать – в тусклом свете многочисленных масляных ламп можно было разглядеть частые морщинки, рассекавшие лоб и щеки сотника. Пожалуй, для своего возраста Витольд был даже чересчур уж «немолод»... Ведь то, что вампиры не стареют – всего лишь один из многочисленных мифов, наравне с крестом или там чесноком... Время властно над всем – и кровососы здесь не являлись каким-либо исключением. Порой они даже умирали от старости – хотя, если уж честно, то всё-таки редко. Очень и очень редко...

Наверное, для сотника армии Ледяных Владык быть управляющим всего одного Поселения лесорубной полосы – пусть даже и весьма крупного – всё-же не очень престижно. Наверное, это как-то сказалось на характере самого Витольда... не знаю. Многие говорили о его жестокости и злости – я лично такого никогда не замечал. Переработки конечно бывали... но скажите, где обходилось без них? Казни? Да, время от времени у нас кого-нибудь убивали – но все же не часто и без излишнего садизма. Публичные порки? Тоже да, практически не проходило дня – или, правильной сказать, ночи – чтобы на площади не избивали кнутами очередного

«провинившегося перед Престолами Ледяных Владык». Но что тут скажешь? Какие времена, такие нравы... Хотел бы я посмотреть на «говорунов» где-нибудь в шахтах Серебряных гор, под суровой рукой Злых Баронов – хоть на одну недельку! Заодно бы убедились, что указанные бароны не зря носят именно такое прозвание...

Возможно, кто-нибудь мог подумать, что я защищал Витольда. Отнюдь. Я просто старался быть объективным.

Я всю свою жизнь старался быть объективным...

Следом за Смотрящим двое вампиров тащили крест. Нет, отнюдь не привычный современному человеку из нашего мира символ Веры, на каком когда-то принял гибель Иисус – этот, тоже деревянный, больше всего напоминал английскую букву «X» – только середина, где сходились две балки, находилась чуть выше. И там, оголенный и намертво прикрученный, висел человек. Приговоренный. Тот, кому сегодня предстояло умереть.

Вообще-то это было странно... Обычно осужденных просто выводили на помост, и, зачитав приговор, отрубали голову – быстро и без затей. Но крест?! За всё время пребывания в Поселении (ладно, пусть не такое уж и долгое) я ни разу не видел, чтобы использовали что-то подобное... Только топор, веревка да кнут – вот собственно и все местные «заплетных дел» изыски...

Да и само присутствие Витольда... Смотрящий Поселения – это тебе отнюдь не обычный стражник или палач. И заявляться на казнь очередного подчиненного ему смертного он совсем не обязан. Тем более, действительный сотник армии Ледяных Владык... Тем более, ветеран сражения при Аустьер-Марне... Тем более, почти полный кавалер ордена Витовта Верного...

Я покосился на Виталика. Острый нос моего друга замер где-то на половине пути между помостом и Мэв. Дальнейшие объяснения, я думаю, просто бессмысленны... Девушка же – действительно очень, просто необычайно красивая: гордый «римский» профиль, копна пушистых каштановых волос, волшебные глаза светло-коричневого цвета – смотрела вверх так, словно ожидала, что за спинами вампиров вот-вот появится призрак или же трехметровая рептилия-динозавр из северных земель.

Помощники Смотрящего довольно быстро втащили крест на середину помоста. Кряхтя, просунули концы в специально проделанные отверстия, чем-то закрепили... и опля! Готово. Больше ничего не мешало правосудию Ледяных Владык – конечно же, самому справедливому из возможных – заслуженно покарать преступника.

Вперед выступил Витольд, принял из чьих-то рук внушительного вида пергамент и начал, не размениваясь на вступления, зачитывать приговор. Тоже странно, если подумать. Смотрящий, решивший почтить присутствием редкую казнь – еще можно хоть как-то понять. Но самому зачитывать приговор?! Осталось только взять в руки топор и лично произвести экзекуцию – для назидания, как говорится, всем остальным...

«...приговаривается к казни медленной, допускающей применение всех орудий вплоть до уровня «Гэ» включительно», – ровным сухим голосом дочитал Витольд пергамент.

Наверное, если бы на площади стоял гам, то сейчас он разом исчез. Я видел, как люди – ошарашенные, сбитые с толку, потрясенные – оборачиваются друг к другу, видел, как расширяются зрачки и медленно «ползут на лоб» глаза... Арсенал уровня «Гэ». Это тебе не милосердный топор, лишаящий жизни в одно мгновение, даже не виселица – наказание для воров. Это нечто намного, намного страшнее. Нечто настолько страшное, что простому человеку, жителю центральных земель, даже трудно себе представить. Подобного в нашем Поселении не видели уже несколько десятилетий...

...Да, вампиры не любят, когда им сопротивляются. И они **ОЧЕНЬ** не любят, когда смертные убивают кого-то из их сородичей...

Человек на кресте – абсолютно голый, весь в кровоподтеках и синяках – сжался ещё больше. В его глазах блеснули самые настоящие слезы, рот искривился в жалобном плаче. Как

не походил он на того смелого, отчаянного воина, которого я видел всего одну неделю назад! И как резко контрастировал его вид со стоящим рядом Витольдом – в ярко-красном охотничьем костюме, подвернутыми вниз ботфортами, с грудью, увешанной орденами... Гордым, уверенным, прямым...

Я почувствовал, как на меня накатывает дурнота, поспешно наклонился.

Долбанные вурдалаки, упыри, паразитирующие на нашей крови...

И сегодня, как назло, двенадцатое мая...

Какого черта мы вообще поперлись на эту дебильную площадь?!..

...Боже, как же больно... Грудь и руки скрутила судорога, сотни невидимых иголок воткнулись по всему телу, раздираемое огнем горло почти не пропускало воздух... Эти приступы появились примерно год назад – и с каждым месяцем становились немного сильнее и дольше. Почему, отчего? Здешний лекарь только разводил руками да говорил, что впервые о таком слышит. К лекарю округа меня, конечно, никто не отпускал. Впрочем, я был практически уверен, что он лишь повторил бы жест своего коллеги – как и наши земные врачи, окажись они вдруг здесь волшебным образом... Я умираю? Быть может.

Какая теперь разница...

...Когда я распрямился (приступы, к счастью, были пока что ещё коротки, никто из окружающих не обратил внимание на согнувшегося человека), Смотрящего уже не было. Вместо него на помосте неспешно раскладывал свой «инструмент» совсем иной персонаж...

Палач. Так сложилось, что данная работа не пользовалась особой популярностью у вампиров. Чистокровные убийцы, они блюли – или делали вид, что блюли – этаким кодексом чести. Даже по отношению к «скоту» и «стаду». Попытки и мучительства, судя по всему, с вышеуказанным кодексом чем-то не совпадали. Что, впрочем, никак не мешало иррам ежедневно истязать десятки людей – особенно в районе Серебрянных гор и прилегающих к ним владений. Просто грязная работа, которую лучше поручить кому-то другому, чем браться самому – не более...

Стадо... Они называли нас так без малейшего намека на злобу, ненависть и уж, тем более, страх. Также, как сами мы говорим о баранах и овцах – буднично, констатируя факт. Скот, стадо, еда... Почему-то от осознания этого становилось ещё неприятней. Уж лучше бы в их словах звучало презрение...

Палач на помосте закончил с приготовлениями и медленно повернулся. В отличии от всех прочих, этот явно гордился своей работой. Почему я так решил? Сложно сразу сказать... Это чувствовалось, сквозило буквально во всем – выражение лица, одежда, исходящая аура... Даже знак – позорный знак своей гильдии – который он носил на груди... Идеально ровная, состоящая из двух сходящихся посередине треугольников шестиконечная звезда – символ самых жестоких убийц и садистов этого мира – была начищена буквально до блеска. И размером превышала «минимально необходимую» самое меньше, раза в два...

Обычно, палачи одевались на свою «работу» куда как неброско. Но только не этот. Расшитый кафтан из иссиня-черного, и, судя по всему, очень дорогого сукна, высокие кожаные сапоги на специально приподнятых каблуках, изящные белые перчатки...

К чему все это? – хотелось спросить возмнившего о себе ублюдка. Неужто чтобы покрасоваться – всего-то жалкую минуту! – перед каким-то «скотом»? Ведь потом всё равно придется надевать накидку – или же пачкать кровью свой дорогой наряд...

Ответа на невысказанный вслух вопрос я, само собой, не получил – в следующее мгновение палач действительно одел длинный, до самого пола, плащ – с капюшоном и невероятно широкими рукавами.

Клещёными, как сказали бы в нашем мире...

Убийца тщательно застегнулся, натянул перчатки...

В его зрачках – черных, как и у всякого вампира – играл азарт, плескалось пламя предвкушения зла...

«Господи, он действительно прирожденный садист, – мелькнула несколько растерянная мысль, – самый настоящий извращенец, в отличии от всех прочих, пусть даже кровососов, пусть даже палачей...»

Длинные пальцы ирра сжались на рукоятках «инструментов»...

А потом потекла кровь. Нет, не «реки» или «потоки», даже не струи, в привычном понимании этого слова. Скорее уж струйки – маленькие, слабые и достаточно тонкие. Так наказуемый сможет выдержать дольше, испытает больше боли...

Я не хочу описывать, что было дальше. Да даже если бы и хотел, то не смог бы, пожалуй – есть предел любой бесстрастности. А уж с моей-то «силой воли»... Был момент, когда даже Мэв – железная, нестигаемая Мэв – отшатнулась назад. Отшатнулась ко мне, а не Виталику, как автоматически отметила какая-то часть мозга...

С неким злорадством я заметил, что даже столичный (или откуда он к нам прикатил?) «профессионал» не может полностью перебороть свою вампирью сущность. Конечно, кровососы не теряли рассудка при виде крови, как описывалось в земных легендах – но и абсолютно бесстрастными не оставались. Вот и сейчас, профессиональный садист «работал» – все руки ублюдка были залепаны красным – а черные зрачки меж тем становились всё уже и уже, едва заметно подрагивала верхняя губа (из-за которой время от времени показывались острые уголки клыков), возбужденно поднимались и опускались ноздри... Но этим всё и ограничивалось – палач действительно был истинным мастером своего дела...

Вампир продолжал работать...

А потом окружающее постепенно стало истончаться, истаивать. Каштановые волосы Мэв, рыжие кудри Виталика – все переплелось воедино, смешалось, сплавилось. Зловещий багряный цвет – цвет людской крови – занял почти все пространство моего зрения. Я уже почти не видел помоста, стонущего пленника и режущего его палача. Реальности больше не существовало, вместо неё в красной глубине вырисовывалось красивое женское лицо – лицо, которое я знал едва ли не лучше, чем собственное... Лицо призрака, которое я не забуду уже никогда – даже если бы сам захотел этого.

Я застонал.

...Ведь сегодня как раз двенадцатое мая... Именно сегодня.

Губы, нос, скулы, уши... Я видел это так, будто смотрелся в зеркало у себя дома... Темные волосы, аккуратно прощипанные брови... Я не видел лишь одного – цвета её глаз. Не видел никогда, ни в прошлой жизни, ни в этой. Это вызывало глубинную злость... и стыд одновременно.

Ведь только оказавшись в этом мире, я научился различать цвет глаз окружавших людей... До этого... я просто не обращал внимания, не замечал. Ни у кого, никогда. Да, это странно, это ненормально – но это именно так. Только здесь я научился смотреть по-настоящему... Только здесь...

...В себя меня привела сильная пощечина, которую залепила мне Мэв.

– Опять? – одновременно грозно и с каким-то затаенным сочувствием спросила девушка, – ты опять за своё?

Я кивнул, потирая горящую диким огнем щеку – рука у девчонки была похлеще, чем у большинства парней. Исчез зловещий багрянец, заливавший всё небо, пропало и призрачное лицо... Я снова стоял на крепком дубе единственной в нашем Поселке площади, снова был «здесь и сейчас»...

Тело привязанного к кресту человека было разворочено так, что большинство просто отводило глаза, не в силах задержать взгляд дольше, чем на пару-тройку секунд. Какие уж тут «струйки» крови. С них только всё начиналось... Хотя находились в толпе и другие – они, наоборот, смотрели долго и очень внимательно, я бы сказал «до остервенения». Надо полагать, насильно впитывая в себя ненависть к вампирам, «приучая» свой организм быть готовым ко

всему... У казненного – кстати говоря, он был ещё жив, хотя, конечно уже не мог ни кричать, ни даже стонать – не оказалось ни друзей, ни родственников в нашем Поселке. Он был чужаком – и потому нигде не слышалось слез или проклятий. Над площадью висела всё та же злая тишина...

Я видел, как в дальнем углу помоста произошёл короткий разговор между Витольдом и палачом. Вроде бы, они даже спорили... Сложно понять – масляные лампы светят, конечно, хорошо, но даже они не в силах полностью победить ночь. А человек не вампир, его глаза предназначены лучам Солнца, отнюдь не Луне...

Так или иначе, но спустя минуту палач – уже без плаща – снова подошел к умирающему на кресте повстанцу. Вытащил из-за пояса красивый, обделанный драгоценными камнями кинжал – и быстро, практически без замаха, перерезал несчастному горло. Более чем двухчасовая экзекуция окончилась.

...Постояв немного, народ медленно повалил с площади. До рассвета оставалось не так уж долго, нужно было успеть выспаться перед следующей рабочей сменой..

* * *

Всё началось как обычно – с того, что сел телефон. Уже сколько месяцев думаю о том, что нужно купить новый, но... мысли мыслями, а для того, чтобы зайти наконец в магазин, вечно чего-нибудь не хватает. Времени, денег, желания... Хотя какие к черту деньги, какое время? Желание – вот ключевое слово. Ключевое и единственно важное. Так сказала бы Надя. И оказалась бы, как всегда, права...

Я криво усмехнулся. Ничего. После сегодняшнего я уж точно её послушаю и куплю мобильник. Новенькую Моторолу или, на крайний случай, Самсунг. Не так уж важно. Только бы добраться до дома...

На этот вечер у нас был запланирован грандиозный праздник – в честь конца рабочей недели. Нет, конечно мы не отмечали так *каждую* пятницу – но время от времени хочется встретиться и гульнуть просто так, без какого-то особого повода. Друзья, пиво, веселье... «Мы гуляем, покуда мы молоды» – слышал я как-то от незнакомого парня по телевизору. Вроде бы он даже кого-то цитировал...

Или «мы молоды, покуда гуляем»?..

В общем, неважно. От перестановки мест слагаемых сумма, как известно, не меняется. Собраться же мы должны были за городом, на даче Александровых – для таких мероприятий она подходила просто идеально. Спросите почему? Ну, когда твой папа – практически мебельных олигарх, то не то что двухэтажную дачу, целый поселок построить можно...

Приехать должны были все: Витька с Аней, Андрей и Лена, Влад... В результате же я оказался перед запертыми створками один – с севшим мобильником, без денег на обратную дорогу и в двадцати километрах от Москвы. Всё. Ах да, совсем забыл! Ещё у меня в рюкзаке торчали две двухлитровые бутылки пива – Надя специально позвонила сказать, чтобы я купил их после окончания работы – мол немного не рассчитали, не хватит. На них собственно-то и ушли остатки «свободной» наличности.

Привезший меня таксист успел уехать, пока я ещё не разобрался, что к чему – да и то, честно говоря, большой вопрос, согласился бы он «подкинуть» меня обратно, поверив, так сказать, в долг. Таксисты, они, знаете ли, народ особый...

Что мне оставалось делать? Только идти пешком, лелея надежду, что кто-нибудь из проезжавших мимо (довольно редко проезжавших, хочу заметить) всё-таки смилостивится и обратит внимание на вытянутую руку с задраным вверх пальцем... Пока же из десятка промчавшихся мимо машин не остановилась ни одна. Уже почти опустилось солнце, вместе с его лучами стремительно таяли и мои надежды поймать «попутку». И всё отчетливей вырисовы-

вალაყ перспектива оказаться дома где-нибудь ближе к утру – грязным и смертельно усталым. В какой-то момент я даже пожалел, что я – не красивая девушка в облегающем платье – небось, уже давно бы ехал в Москву на переднем сидении какой-нибудь иномарки...

Да уж, этот «праздник» я запомню надолго...

Ясно как день, что наша встреча сорвалась в самый последний момент – причем, судя по всему, что-то случилось у самих Александровых, хозяев дачи. Всех обзвонили и предупредили... а у меня как раз сел телефон. Последним был наш разговор с Надей насчет пива... и все. Я же, как дурак, вместо того, чтобы попросить кого-нибудь дать позвонить – просто на всякий случай! – сразу после работы помчался в метро... В итоге этой глупости пострадает и Надя – она ведь, конечно, не уснет, будет звонить, ждать, волноваться...

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Мысли о собственной девушке добавили мне рвения. Я давно уже выкинул прочь бутылки с пивом – тащить четыре литра на спине далеко не шутка – и теперь довольно быстро шагал по дороге – широким, упругим шагом, каким обычно ходят люди в боевиках из телевизора. Но как долго, еще очень долго было до города!

Когда позади послышался шум очередного мотора, я вскинул руку на автомате, даже не оборачиваясь. А мгновение спустя с удивлением услышал звук вдавливаемых тормозов... Стал поворачиваться, но уже останавливающаяся машина обогнала меня, пролетев ещё метров двадцать – пока не замерла возле одного из старых, почерневших столбов.

Точнее, замер – это был джип. Абсолютно новый (по крайней мере на вид) Nissan Patrol, шикарной серебристой раскраски и с наглухо затонированными стеклами. Насколько я знал, стоимость такого «агрегата» ощутимо превышала пресловутый миллион рублей...

Машина стояла, явно ожидая меня, и мне ничего не оставалось, кроме как зашагать вперед. В конце концов, не зря же столько времени я ловил «попутки»!

Когда расстояние до джипа сократилось до одного метра, водитель наконец-то удосужился показаться наружу.

– Эй, чел! Тебе в Москву? – передняя дверь двери машины открылась, и оттуда высунулся темноволосый мужик в строго вида костюме и галстукe, – Садись, если так!

– В Москву, – кивнул я, потянув на себя блестящую ручку, – спасибо, что остановил.

...Мужика, хотя, возможно, правильней будет сказать парня – на вид моему спасителю было порядка тридцати – звали Костик. Он именно так и представился: Костик, вместо стандартно-чопорного «Константин». Что, если честно, не очень-то гармонировало с его общим видом: дорогой, донельзя официальный костюм (в добавок ещё застегнутый на все пуговицы), галстук, тщательно выбритое лицо, прилизанная, аккуратная прическа... Да и сама машина, в которой мы ехали... Сколько же она стоит, – все крутилось у меня в голове, – я ведь видел как-то в интернете такую, точно видел! Случайно наклонив голову, я заметил небольшой дипломат – черный и тоже невероятно «официальный».

– Даже не буду спрашивать, как ты здесь очутился почти в десять вечера, – усмехнувшись, произнес Костик, – история наверняка подойдет для фантастического рассказа самого Лукьяненко.

– Это точно, – кивнул я, – уж юмористического точно... Если б не ты, то, похоже, пришлось бы тащиться до Москвы пешкодралом. Как раз к закрытию метро и успел бы.

– Люди почему-то не любят брать попутчиков, – не сводя глаз с дороги, произнес Костик, – даже в выходной день, не спеша колеся на какое-нибудь там озеро или дачу. Никогда не мог понять почему. Чё в этом такого?

– Угу, – кивнул я, – ужастиков пересмотрелись – их в последнее время много...

Неожиданно я с неким стыдом подумал, что если бы мы с Надей ехали сейчас по этой дороге и увидели голосующего человека, то почти наверняка просто промчались бы мимо...

«Колоцкий начал раунд с стремительной серии молниеносных атак. Слева, справа, снова слева... Поразительно, такое впечатление, будто он только что вышел на ринг! Ни единого следа усталости! Ивченко далеко не в такой хорошей форме – он уже явно не в состоянии сдерживать натиск своего соперника: пропускает удар по корпусу, закрывается, отступает... Еще несколько мгновений, и знаменитый боксер будет зажат в угол!»

– Ты слушаешь бокс по радио?

– Ну да. Что ещё остается... Я ведь и сам боксер.

– Боксер? – тупо переспросил я. В моем понимании, какой-нибудь богатый бизнесмен и нормальный, серьезный вид спорта были вещами практически не совместимыми. Такие ребята в костюмах и галстуках обычно занимались гольфом – там можно было почти не напрягаясь провести пару часиков на приятного вида лужайке, поболтать о чем-нибудь с соседом и в тоже время повесить собственную «спортивную» самооценку. Ну или изредка ходили в какой-нибудь фитнес-зал с индивидуальным инструктором – на самый крайний случай.

Хотя... я присмотрелся к Костику повнимательней. Под костюмом это конечно определить сложно, но, вроде, он действительно был «крепким», как это обычно говорят... Кто знает...

– Ну... Точнее был боксером... Когда-то. Ещё давно, в институте.

– Многие в институте чем-нибудь занимались, – я пожал плечами, – разные все-таки вещи.

– Многие именно что «занимались» – то есть занимали своё и инструкторов время, тратили деньги. А я был именно боксером, а не очередным «занимающимся» олухом. КМС. Шёл на мастера...

– Хм. Солидно, – ответил я совершенно искренне, – а что же потом?

– Потом... Потом я окончил институт. Аспирантура или армия... Я выбрал первое. А дальше... диссертация, работа... Боксер – я имею в виду настоящего, нормального спортсмена – должен тренироваться очень, очень много. А столько времени у меня уже больше не было. Никогда.

– Ну, – я улыбнулся, попробовав придать разговору «шутливый» оттенок, – дела у тебя всё же идут, судя по всему, неплохо, – я взмахнул рукой, намекая на шикарный Ниссан.

– Неплохо... – подобрывший меня человек как-то странно усмехнулся. – Да. Дела у меня идут неплохо...

В следующую секунду Костик полез во внутренний карман пиджака, и, выудив оттуда ламинированную визитку, протянул её мне.

«Константин Георгиевич Степанов, – вслух прочитал я, – Финансовый директор группы компаний «ЦентрИнвест».

– Будем знакомы... Задумайся, Игорь, а с фига я в пятницу, в десять часов вечера, только еду в Москву? Вместо того чтобы сидеть дома в обнимку с женой и предвкушать предстоящие выходные?

– Ну...

– Заодно, – сразу же перебил меня Костя, – подумай, почему я вынужден слушать матчи по боксу по радио, вместо того, чтобы смотреть их, как все нормальные люди, по телику?

– Увидеть можно и потом на ДВД... Куча же дисков таких продается.

– Повторы это не то. Смотреть нужно тогда, когда происходит сам бой, когда ещё никто на белом свете – кроме Всевышнего, конечно – не знает, чем же закончится этот матч, когда бойцы именно сейчас – вот прямо в эту секунду – наносят и отбивают удары, когда миллионы людей возбужденно следят за каждым движением и вскрикивают, если один из дерущихся пропускает хук. Понимаешь? А потом... – он вяло взмахнул рукой, – к тому же, Игорь, что делать, если «потом» просто напросто не бывает?

– В смысле? – удивился я.

– В самом прямом. Вот ты, например, кем работаешь?
– Дизайнером в фирме одной. Корел, Фотошоп и так далее.
– Тебе нравится?
– Ну... в общем да. Включаешь музыку, сидишь, рисуешь... Не всегда «в свое удовольствие», конечно, но все равно... Неплохо. Иногда, когда заказов чересчур много, задерживают – но в общем не так уж часто. Так что...

– И дома ты в среднем... – полувопросительно произнес Костя, явно намекая на продолжение.

– В начале восьмого где-то, – я пожал плечами, – это если не считать заходов по магазинам тайм-ту-тайм.

Сам не заметив как, я, что говорится, «влекся» в беседу, обычно-принятый «вежливый» разговор двух незнакомых доселе людей перетекал во что-то действительно интересное...

– А я, – неизвестно как, но в руках у Кости уже была сигарета, – каждый день встаю в 6 утра, принимаю душ, быстро завтракаю, потом натягиваю этот дебильный костюм, – он с каким-то злым остервенением рванул на себе завязку галстука, – и мчу на работу. В фирме у меня собственный просторный кабинет – многие, даже, сказали бы, что он офигенный – и ассистент для разных мелких поручений. Но тем не менее я весь день – весь, Игорь! – пашу как проклятый. Если я оказался дома в половине десятого – это хорошо. Это очень хорошо, потому что зачастую я появляюсь там не раньше одиннадцати – вот как щас, например. А ведь у меня жена, ребенок... Разные цифры, долговые обязательства, кредиты, векселя, лизинг, облигации – вот чем забита моя голова. Целыми сутками – всем этим унылым говном. Всегда – даже в воскресенье, когда, по идее, у нас выходной. И чё толку, есть ли у меня здоровенный кабинет и собственный ассистент? Какая разница – если на настоящие, действительно интересные вещи просто не остается времени? Я всё время в костюме, всё время встречаюсь с разными напыщенными ублюдками и обсуждаю занудные вещи, от которых меня давно тошнит! А самое смешное знаешь чё? Самое смешное, что большинство мне при этом завидует. Они видят тачку, видят офис – и все, готово. Смотреть глубже не хочет никто. Внешний блеск начисто застилает глаза...

От такой жаркой тирады я, признаться, несколько оторопел. Хотя... Давным давно, еще на первых курсах института, мы частенько разглагольствовали с друзьями об этом – выбирая, так сказать, приоритеты... Тогда ещё чисто теоретически. Быть может, что я и понимал Константина...

– Да... Тебе пожалуй надо было выбирать какую-то другую профессию.

– Да, – кивнул мой попутчик, – надо было. Но... я оказался слишком слаб. Когда окончил университет – сколько мне тогда было? Двадцать два? Я собирался продолжать боксировать, хотел работать тренером... Господи, да я даже книжки читал по теории бокса! Это было интересно, увлекательно. Я почти стал мастером спорта... Тогда-то на меня все и навалились – отец, мать, девушка моя... Ведь кто такой тренер по боксу? Какая у него зарплата? В чем престиж этой профессии? Другой дело – финансовый аналитик, кандидат наук... Вот оно – занятие достойное настоящего мужчины! А бокс это так... Детские шалости.

– А жена твоя, если не секрет, что думает по этому поводу?

– Да ничё. Она тоже... как бы получше сказать... этакая «акула бизнеса» – разве что зарабатывает всё же чуть меньше. Она другая, она не понимает меня – да никогда и не понимала, если честно. Мы и познакомились-то как раз в аспирантуре...

Я едва заметно улыбнулся:

– Говорят, Ван Гог умер в бедности и нищете – одинокий и абсолютно не признанный. Зато потом... перед его вкладом в общую копилку человечества померкнет любой современный финансовый аналитик с целой кучей дипломов и научных степеней...

– Именно! – подхватил Костя, – и кем его считали при жизни? Просто очередным человеческим отсосом. А в конечном итоге... Но дело даже не в этом. Реально, он мог не написать вообще ничего – или оказаться пустой бездарностью. Дело в том, что человек прожил жизнь, занимаясь любимым делом, тем, что нравится ему самому – а не оглядываясь на престиж, как его видит кучка каких-то ублюдков. Ему было чисто на всех похер... Знаешь, что убивает интересы современных людей?

– Что?

– Наша работа. Я спрашивал у дохерища знакомых: какое у тебя хобби, чем ты всерьез увлекаешься? И лишь несколько назвали чё-то действительно глубокое. Большинство же не смогли ответить ничего. Только гулянки да просмотр различного типа кинца. Это при том, что свою работу они тоже, в большинстве, не особо-то любят. Целое поколение не интересующихся ничем, кроме собственного благосостояния, людей. Чем оно вообще отличается от стада?

– Ну, знаешь, тут моя девушка с тобой бы поспорила, – я усмехнулся, – а в спорах, сам не понимаю как, но она оказывается вечно права. Не сразу, так спустя время уж точно...

...Мы говорили ещё долго, до самой Москвы. Я узнал, что в институте, помимо бокса, Костя занимался и музыкой – даже играл в какой-то рок-группе, и, более того, записал пробный альбом. (что вообще-то считалось для музыкантов некой важной ступенью, как он объяснил). На этой почве у нас нашлось немало общих интересов... Рассказал и я про себя – хотя, по совести говоря, тут ничего особо выдающегося назвать не получится... Попрошались мы у близлежащей станции метро – как оказалось, Костику нужно было ехать в совсем другую часть города.

– Ну чё, давай, – мой спаситель крепко пожал протянутую руку, – приятно было поговорить.

– Взаимно, финансовый директор, – я улыбнулся, – и спасибо тебе ещё раз.

Серебристый Nissan Patrol сдал назад, мигнул на прощание фарами и скрылся. Я же направился ко входу, над которым висела здоровенная вывеска «М».

Да, честный и хороший человек, ничего не скажешь. Своеобразный немного – но хороший. Побольше бы таких...

А сейчас мне нужно как можно скорее попасть домой.

Ведь там меня ждет Надежда...

* * *

Когда мы ввалились в бар, до рассвета оставалось немногим больше трёх часов – вполне можно успеть «пропустить по стаканчику», как говорили у нас, в России. Очередная смена была уже позади, всё, в общем-то, прошло довольно неплохо: никто из группы не отхватил штрафную запись – «провинность», как официально называли её вампиры, никого не наказали публичной поркой... Даже кнута надсмотрщика отвёдал лишь один парень – мелкорослый Гумберт, да и то, если уж честно разобраться, за дело...

Оставалась усталость, но здесь, само-собой, уже ничего не попишешь. Попробуйте как-нибудь помахать топором десять часов подряд, я на вас тогда посмотрю... Средства было всего два: хороший сон и крепкий самогон. И одно, конечно, не отменяло другое. Сон всем нам ещё предстоял, а вот самогон... за ним-то мы и пошли в этот бар – сразу, как только телеги прикатали в Поселок. (К слову сказать, ещё один показатель того, что смена прошла хорошо: бывало так, что, отработав положенное, ты просто добирался до своей комнаты, падал на кровать и отрубался мертвецким сном).

– Два пузыря, пять стаканов, пол буханки хлеба.

На стол упали несколько монет: два лита и четыре ценура разного достоинства – ровно столько, сколько стоил заказ. Всё было тщательно подсчитано и разделено между нами ещё час назад, чаевых здесь никто не давал...

Хм. Я мрачно усмехнулся. В этом мире, собственно говоря, никто даже и не знал такого слова – «чаевые». Ну кроме тех, кто попал извне, разумеется...

Официантка молча кивнула, пересчитала деньги и ушла.

Оставалось только ждать...

К слову сказать, бар, в который мы пришли, считался лучшим в Поселке. В двух других даже и официанток-то не было... И вампиры, если им вдруг ударяло в голову удостоить своим светлым присутствием «прибежище стада», шли именно сюда. В углу, на небольшом возвышении, для них даже стоял собственный стол – в отличии от прочих, всегда чистый и красивый, из какого-то неведомого мне дерева красного цвета. Стол находился в некотором отдалении от прочих – благородные ирры не любили, когда скот, пусть даже полезный, находился чересчур близко.

И, Слава Богу, большую часть времени пустовал...

Пока мы ждали, Виталик достал из сумки бумагу со связкой тонких, специально наточенных угольков и принялся за своё любимое занятие – рисовать. Он рисовал всегда, рисовал всё, рисовал всех. В нашем мире он был художником – причем, судя по всему, действительно безумно любил данное занятие, любил так, что не смог бросить даже попав сюда, сюда, где человек зачастую работал по двенадцать часов в сутки, где почти не было выходных, не было денег, не было ничего... А те же бумага и угольки стоили столько, что уходила большая часть нашей месячной полочки дроворуба... Но Виталик не жадничал. Для него гораздо лучше было неделями жить впроголодь, чем не иметь возможности творить... Пусть даже и один час в сутки, после очередной ночи, проведенной в лесу с тяжелым топором в руках...

Я не понимал этого. Но, тем не менее, уважал. И даже больше того... в чем-то завидовал своему другу. Завидовал его страсти, стремлению, даже его безнадежной любви к Мэв. Завидовал, если так можно сказать, самой его надежде, её наличию... Сам я так не мог. И, самое страшное, не смогу уже никогда...

Официантка принесла заказ – две бутылки крепкого самогона, стаканы, порезанный хлеб. Молча поставила поднос на стол, развернулась и ушла. Я понимал почему – скорее всего, сейчас девушка думает лишь о том, чтобы все побыстрее исчезли, а она могла наконец-то пойти домой. Бары в Поселке были открыты лишь вторую половину ночи – но до этого большинство тамошних работниц просто пахали в каком-нибудь другом месте. Расчет индивидуальных трудовых часов ещё никто не отменял, их «смена» была ничем не легче чем у нас...

– Ну что, мужики, выпьем? – Бернارد, толстый бородатый парень, самый большой любитель спиртного в нашей компании, уже успел разлить самогон по стаканам и высоко поднял свой, – Ночь прошла – и хрен с ней!

– И хрен с ней, – повторили мы нестройным хором, чокнулись.

Здесьний самогон – никак не меньше шестидесяти градусов по старым, «земным» ещё меркам – штукой был весьма забористой. Внутреннюю часть рта обожгло, словно от раскаленного металла, раздражающее тепло пошло дальше, сквозь горло, вглубь и вниз... Я поспешно схватил кусок хлеба, откусил, оттяпав чуть ли не половину... Помогло, если честно, мало. Но что делать? Здесь тебе не какой-нибудь Московский ресторан, соленого огурчика не попросишь...

Блин. Я и водку-то с коньяком не особо любил, а уж такое... Но делать, опять-таки, нечего. В местных барах подавали только самогон. Не хочешь – не пей, никто не заставляет. Но алкоголь нужен. Прозвучит банально, но без него никуда. Он снимает напряжение после очередной смены, помогает организму расслабиться, а мозгу – забыться. Господи, да если бы не это пошло, то у меня, наверное, давно бы слетела крыша! А так ничего, держусь...

Всё ещё немного кривясь, я оглядел своих товарищей. Им, в отличие от меня, было не в пример легче. Даже Виталику, не говоря уж о Свене или бородатом Бернарде – хотя последнему, на мой скромный взгляд, было вообще все нипочём. Дело привычки, наверное... Когда-нибудь привыкну и я – если доживу, конечно...

Мы молчали. Вит продолжал что-то малевать своими угольками, остальные просто сидели, откинувшись и, похоже, даже ни о чем особо не думая.

Ничего странного – местные жители были, как правило, не слишком многословны. Виталик являлся исключением... и не являлся, одновременно. Дело в том, что моего друга нельзя было однозначно отнести к «местным» – он, как и я, попал сюда извне. Тоже из России, что интересно. Из какого-то не слишком крупного города, название которого я, каюсь, так и не смог запомнить... Просто Вит очутился здесь на несколько лет раньше – вот вам и все отличия.

Да-да, таких как я тут было много. То есть не много, конечно... Не слишком мало, скажем так. В нашем Поселке, например, я знал парня, который раньше жил во Франции, в самом Париже. Говорят, были и другие... Хотя огромное большинство составляли, конечно, «настоящие» местные – те же Бернард со Свеном, как пример. Те, кто родился в этом богами проклятом мире, кто прошёл детские трудовые лагеря и жалкое подобие начальных классов обязательных школ, кто никогда не слышал о Элвисе Пресли и Иване Грозном, кто, более того, даже не знал значения слова «телевизор»...

Те, кто почти никогда не видел солнечного света...

Они не ведали другой жизни, не знали, что можно существовать как-то иначе, кроме как вахивая ночами напролет и отдавая своих детей на пропитание вампирам... Им было проще. Когда не знаешь, что теряешь, всегда проще. Возможно, так ощущали бы себя люди какого-нибудь двадцать третьего века, попади они там, на Земле, в наш родной две тысячи десятый год...

Именно поэтому мы и сдружились с Виталиком в своё время – мы оба были «извне». Я – дизайнер из Москвы, он – художник из малоизвестного русского городка в районе Урала... С ним можно было поговорить о музыке и современных машинах, можно было вспомнить фильмы Стивена Спилберга и обсудить все прелести Камерон Диаз... Можно было хоть иллюзорно, хоть на чуть-чуть – но вернуться обратно, в *наш* мир. Вит был моложе и попал сюда когда ему ещё не исполнилось и двадцати. Почему? Он не знал, также как и я. Просто однажды заснул... а проснулся уже здесь. Ни тебе переходов, ни «врат», ни прочей бурды, которую так любят показывать в определенного рода фильмах. И никакой «великой, но сложной миссии», пути героя или отчаянных битв. Всё проще... и намного страшней.

– Пора уж и по второй, ребята, – степенно пробасил Бернард. – Вит! Отложи свои каракули хоть на секунду, ты на разливе.

Вторая порция пошла ещё хуже первой. Какое-то мгновение даже казалось, что у меня изо рта вырвется длинная огненная струя, словно у настоящего дракона из сказок. Знаете, такого огромного чешуйчатого дракона, как описывает в своих книгах Перумов – причем непременно с узкими, вертикальными зрачками.

Но нет, струя не вырвалась. А жаль...

Тем не менее, после второй «рюмки» стало хорошо. Не знаю, до чего там добрались молекулы жгучей дряни в моём организме, но телу вдруг сделалось как-то легко и приятно, волшебное тепло расплзлось по груди, оттуда перешло на живот, минуту спустя побежало по пальцам... Зашумела – совсем чуть-чуть – голова, и даже мысли – в общем-то горькие и неприятные – приняли какой-то ироничный, шуточный оттенок. Я вдруг подумал, что только что упоминавшийся Ник Перумов вполне мог бы написать на основе моей истории целую повесть. Представьте только: Ник Перумов – и обо мне. Вот было бы классно! Я даже название придумал – точнее, оно само вдруг возникло в голове – «Записки интроверта». Хорошо звучит – и, одновременно, чистая правда. Меня даже Надя, будучи в раздражении, так называла. Интро-

верт. Особенно когда ей хотелось «выйти в люди», а я отчаянно пытался выбить вечер для спокойного просмотра какого-нибудь фильма на диване...

Как правило, такого рода споры оставляли победу за ней...

Хотелось выпить ещё, но этого делать было нельзя – в противном случае отсюда меня просто унесут на руках (причем хорошо ещё если домой, а то, случалось, люди приходили в себя лишь в местном закутке для пьяниц – в таком случае штрафная запись в личном деле и публичная порка были, считай, обеспечены). Местный самогон – это тебе отнюдь не земная водка. Пить его полагалось медленно и степенно, выдерживая солидные перерывы после каждой порции, «пропущенной» вглубь.

По крайней мере мне...

– Слышали, на кого Жребий пал на этой неделе? – нарушил подзатянувшееся молчание Свен. Подождал, пока каждый из нас отрицательно кивнет и продолжил: – На семью Калана! Он работал как-то в нашей группе, вы должны помнить! Мелкий такой, усатый. Всё «хорош» кричал, по каждому поводу.

– Мммм, – вскинулся Виталик, – помню вроде. Волосы растрепанные всегда по смешному так, а рожа мрачная, да? Как же его... сейчас... Счастливчик Калан, точно!

– А почему Счастливчик? – безразлично спросил Бернارد, – тоже мне. Попасть на Жребий со всей семьей – велико счастье.

– Со всеми случится рано или поздно, – резонно заметил Свен, – не трюнди. А Счастливчик потому, что ему в карты фортило несказанно. Лучший, считай, игрок в Поселке был...

– Ну вот и радуйся, – ответил я, – на одного конкурента меньше.

Свен скривился.

– Да ладно тебе. Сам знаешь, ставки у нас хорошо если до лита поднимаются. А мужик классный был, хоть и мрачный. Когда фортило ему, не зрывался, себя выше других не ставил.

– А ты, стало быть, ставишь? Когда выигрываешь?

– Чушь не неси.

Я молча пожал плечами.

Вампиры, к сожалению, были отнюдь не дураки, выпускать пар – конечно же, понемногу и абсолютно безвредно – нам позволялось. Одним из способов служили азартные игры – то бишь обычные карты. Хотя я, хоть убей, никак не мог взять в толк – что ж в них собственно азартного? Ставки у местных шулеров были минимальны (в Поселке вообще очень бережно относились к деньгам, но здесь было что-то превыше – должно быть, негласный запрет самих ирров), риск, соответственно тоже... Тем не менее находились десятки людей, время от времени (после отработанной смены, разумеется), устремлявшихся в специальный клуб рубиться в некое хитроумное подобие покера. Насколько я понимал (насмотревшись кино про картежников на Земле), сама суть игры заключалась в риске – все или ничего, сорвать куш или уйти нищим... Здесь же... Да, два или три лира, которые, при удаче, мог «поднять» за вечер счастливчик – сумма не такая уж и маленькая. Можно несколько раз посидеть в трактире с бутылочкой самогона... Или половину недели брать к общему обеду специальную, платную надбавку... В случае Виталика – даже купить себе пару лишних рисовальных мелков... Но всё же, как ни крути, для настоящей, азартной игры, это было очень и очень мало. Так, тренировка на деревянных мечях перед серьезным боем... Но местные – точнее, некая их часть – так не считали. И особенно сидящий прямо напротив меня Свен – возможно, главный картежник (после сожранного вампирами Счастливчика) в Поселке.

– А вторая семья?

– Ммм?

– Ну по жребью кому еще выпало?

– Да хрен его... Я и про Калана-то узнал лишь потому, что в одном клубе были...

– Жребий у нас – это так, фигня, – невозмутимо откусив кусок хлеба, влез Бернад, – нас ещё жалеют. Знали бы вы сколько в других местах народу гибнет.

– Да, – автоматически подтвердил я, – Большая часть Жребия падает на Злых Баронов и Орденские земли.

– Ты-то откуда знаешь? – скептически усмехнулся Свен.

– Знаю и всё.

– Он к нам как раз из Серебряных гор и попал, – продолжая черкать на бумаге, вставил Вит, – в первый раз слышишь что ли?

Ну, узнал-то я, допустим, отнюдь не из моего недолгого пребывания в гостях у Баронов, но рассказывать об этом кому-либо явно не стоило. Даже Виталику. Не так поймут было, пожалуй, чересчур мягким выражением, чтобы объяснить почему...

– Аааа, – кивнул головой Свен, – точно-точно. Извиняй, Игорёк, – он коротко хохотнул.

– Во-во: посмейся, покуда не поздно, – недовольно пробормотал Бернад, – потом-то уже не сможешь. Новости последние про границу с Ведьмами слышали?

– Мгм, – кивнул Свен, – кто ж их не слышал...

– Опять кровососов наших разбили... А расплачиваться мы будем. Жди теперь увеличения Жребия на следующей неделе как пить дать...

Сказанное было верно, и над столом снова повисла тишина. На сей раз – весьма тягостная.

Ладно, – продолжил Бернад секунд тридцать спустя, – чёрт с ними всеми. Давайте следующую выпьем, чтоли... Помянем этого, как его там?.. Счастливчика.

– Давайте...

– Давайте...

Пили, как и полагалось в таких случаях, не чёкаясь.

Странно, подумал я. Ещё каких-то шесть месяцев назад мне было абсолютно всё равно, на кого выпадет Жребий. На меня, Свена, Виталика, Бернарда, Мэв... А сейчас я уже боюсь, боюсь как и все остальные. Что это? Своеобразное приспособление к окружающему миру? Или я просто стал выше ценить жизнь – как свою, так и чужую?

Поди разберись в собственных чувствах...

– Парень-то тот, из повстанцев который – говорят, он не просто подпольщик, разговоры идут, он – Свободный... – Свен сделал паузу, наслаждаясь произведенным эффектом. – Недаром ведь на его казнь к нам палач такой прикатил. Говорят, из самих замков Ледяных пожаловал...

– Был Свободным, ты хотел сказать, – негромко произнес Бернад, – если они существуют вообще...

– Существуют, – убежденно качнул светловолосой головой Свен, – однозначно существуют. И у наших с ними вроде контакты какие-то даже налажены. Ведь не просто так они оба здесь очутились! И Свободный, и кровосос тот напыщенный. Не случайно! Что-то собирается в наших землях, помяните моё слово. Что-то будет.

– Я тебе даже скажу что: Жребий будет увеличен, вот что будет. Это уж точно. А всё остальное... языками молоть да чушь городить все горазды. Толку-то с этого...

– Но ведь повстанец убил одного вампира! Этого-то ты отрицать не можешь!

– И чё? Ну да, из подполья. Ну да, убил. При чём здесь Свободные я не пойму?!

– Ты дурак?! Появляется странный мужик – заметь, не из нашего Поселка – его вычисляют кровососы, берут в плен – а уже через два дня после этого тут оказывается палач от самих Ледяных Престолов! Кстати думаю, что не только он один... Так зачем?! Вампиров, конечно, убивают редко – но всё ж не настолько, чтобы ради этого гонять шишку такую важную! Да и вообще, что он – этот мужик – тут делал? Плюс с оружием, при серебре...

– Ну серебро-то и у наших недовольных найти можно, не только твои Свободные им промышляют. А вот зачем палача прислали...

Мы с Витом молча слушали разгорающуюся перебранку. Художник, как полагается, рисовал, я же... я просто думал.

Свободными у нас называли людей, что жили где-то в Приграничных горах – как раз на границе между Герцогством Казимира Первого (точно таким же вампирьем царством, как и наше собственное) и Королевством Ледяных Владык (то бишь местом нынешнего моего пребывания). Точнее, люди там *якобы* жили. Никто не знал этого наверняка – а ирры, само собой, утверждали о полной несостоятельности «возмутительного мифа». Но миф – если, конечно, это был всё-таки он – жил. И, более того, набирал популярность. Можно даже сказать, что через эту историю раса людей обрела нечто вроде собственной религии, которой так не хватало этому миру...

Вроде бы, их было мало. И поэтому Свободные с радостью принимали любого, кто мог добраться до Приграничных гор – хоть с северной (Казимир), хоть с южной (Ледяные Владыки) стороны... Вроде бы, они выращивали хлеб в каких-то тайных долинах и имели в досталь оружия из серебра. Вампиры боялись соваться в горы, а они – опять-таки, вроде бы – активно помогали всем повстанческим организациям в обоих соседних государствах... И, в отличии от потомков Агнессы, Свободные не предали ни идею, ни расу людей.

Вроде бы...

Ах да, самое главное: среди нас никто не называл эти горы Приграничными, как официально отмечалось на картах. Мы говорили «Свободные»... «Свободные горы» – и плевать, существует ли на самом деле то удивительное сообщество людей, бросившее вызов могуществу ирров, или это действительно всего лишь «нелепый и возмутительный» миф...

Мы верили. Нам было это очень, просто чрезвычайно нужно: верить. Даже не знать, не иметь каких-то там доказательств, а всего лишь надеяться – пусть глупо, отчаянно, но всё же надеяться... И того, что существование Свободных никто так и не смог опровергнуть – даже вампиры, при всём своем кажущемся всезнайстве – уже хватало. Надежда не умирала, она жила. А большего мы не просили.

Пока.

Господи, это же так просто...

– Эй, вы, тут! – задумавшись, я и не заметил, как возле нашего стола очутилась Мэв, – языки-то не распускайте особо! Коль голова на плечах засиделась, то дело ваше. А мне мой трактир ещё дорог. Особенно тебя, дружок, – девушка потрепала по светлым волосам Свена, – касается.

Само собой, трактир принадлежал не Мэв. Как и всё вокруг, он являлся личной собственностью Ледяных Владык. Но девушка была здесь... не знаю даже, как лучше сказать... Администратором? Управляющей? Нет, конечно. Эти земные слова не подходили, чтобы выразить всё то, что делала девчонка (по сути-то, всего двадцати одного года отроду) для данного заведения. Выбор повара, работа официантов, расстановка столов и подбор конструкции барной стойки... весь прочий внутренний дизайн... всем, абсолютно всем здесь заведовала только она. Даже большая табличка с названием – «Рыжий Кот» – была её изобретением (другие два трактира именовались просто по номерам – второй и третий, соответственно). Наверное, правильной всего было бы сказать, что Мэв, фактически, являлась хозяйкой заведения. У неё даже других смен не было, только один этот бар.

И, конечно, девушка не желала, чтобы внутри «Рыжего Кота» творилось что-то противозаконное – пусть даже и разговоры. Ведь, в случае чего, отвечать пришлось бы и ей...

Она стояла прямо напротив меня – высокая, стройная и необычайно (для девушки её лет) грозная, в великолепном темно-зеленом платье, и глаза как-то против воли начинали вглядываться туда, туда где кончалась чудная белая кожа, и близко, очень близко, проглядывались

две идеально ровные, симметричные чашечки... С некоторым усилием, я отвернулся. И очень некстати вспомнил, что всего пару недель назад Мэв позвала меня после смены заглянуть к ней в трактир, как-то странно, чуть ли не кокетливо, стрельнув при этом глазами...

Щеки немедленно запылали...

И в этот момент подал голос Виталик – бедный, несчастный Виталик, разом позабывший о всяческих мелках и прочих рисунках.

– Мэв! Посиди немного с нами!

По лицам остальных было видно, что они полностью поддерживают предложение своего друга...

– Делать мне больше нечего, – ухмыльнулась девушка, – это вы тут бездельничаете, а на мне весь трактир висит вообще-то.

– Да ладно тебе, Мэв. На пятнадцать минут всего, – не сдавался Виталик, – редко ведь вместе сидим!

– Ни на пятнадцать, ни даже на пять. Я пошла, а вы, мальчики, следите за своими язычками. А не то будете самогонку у себя в комнате каждый глушить. Я второй раз повторять не буду, вы меня знаете.

...В такие моменты она до невероятности напоминала мне Надю – ещё давно, там, на Земле...

Мэв направилась куда-то в другую часть трактира, сбитые с толку мужики молчали, провожая её глазами...

Мой взгляд упал на охранника, сидящего у двери – здоровенного детину с короткой тяжёлой дубинкой на поясе (единственное оружие, которое можно было иметь – при специальной лицензии, разумеется, – в Королевстве Ледяных Владык). Уж этот бы точно так не подошёл, разве что непосредственно по прямому приказу всё той же Мэв. Кишка тонка – Поселок-то небольшой, все друг друга знают...

Хотя насчет «единственного оружия» не совсем верно. У одного человека был меч – самый настоящий, боевой, хотя, конечно, без единого грамма серебра. И звали этого человека... Мэв. Не знаю, за какие заслуги она добилась такого от кровососов, но факт есть факт. У Мэв – единственной из всех известных мне людей – было *настоящее* холодное оружие. Причем вполне официально, хоть даже и без права выносить клинок из дома...

Практически собственный трактир, полное отсутствие других смен, боевой меч...

Странно вообще-то...

Господи, что за мысли дурацкие лезут?! Я что есть силы потряс головой и повернулся к остальным: пришло самое время выпить по следующей (какой там – четвертой?) рюмке.

...Мы посидели ещё с полчаса, старательно избегая в разговоре «запрещенной» нам темы. Потом, добив заказанные два пузыря, поднялись и молча направились к выходу.

Время шло, до рассвета оставалось не так уж и долго. Нужно было сделать кое-какие домашние дела и успеть хорошенько выспаться до следующей смены.

Плеток надсмотрщика за «излишнюю леность» получать не хотел никто...

* * *

Надя стояла возле меня и, чуть нагнувшись к зеркалу, красила губы. В этих черных обтягивающих джинсах и голубой рубашке из непонятного, полупрозрачного материала, она была просто чудо как хороша. Острые черты лица, длинные волосы, тонкий разрез губ... всё это было таким знакомым, таким своим... и в тоже время каким-то неизвестным, таинственно-притягательным, волшебным... Не знаю, как ей удавалось это – но, уверен, ни одна девушка на земле не смогла бы сравниться с Надеждой, стать более женственной и желанной. Ни за что и никогда.

...И до нашей свадьбы оставалось всего-то два жалких месяца...
Я чувствовал манящий запах её духов и у меня немного кружилась голова – как тогда, три года назад, когда мы только начали встречаться...
Бог мой, три года!.. А теперь она моя невеста...
На ум сами собой пришли строки из известной песни Алексея Глызина:

*Смотришь ты в зеркало или в окно,
Волосы вьются по ветру.
Даже не знаю за что мне дано,
Счастье увидеть всё это...*

*Ты не ангел, но для меня...
Но для меня... ты стала святой.
Ты не ангел, но видел я,
Но видел я твой свет неземной...*

– Всё, Игорь, я готова. Идём!

Да, наверное, Надю действительно нельзя было назвать ангелом – порой она была злой, порой капризной. За всё время я так и не смог ни разу её переспорить – в вещах, имевших какое-либо значение, разумеется... Она всегда отстаивала своё, редко уступала... и практически всё время оказывалась права – как, зачастую, я понимал уже позже.

Но, Господи, разве это имело хоть какое-то значение?

*Раз ты меня научила летать,
Значит, не может быть фальши...*

Мы шли по направлению к метро, даже ещё не зная, куда отправимся. Вечер субботы, впереди целый выходной день, можно сходить куда-нибудь, посидеть, развлечься...

Вообще, если честно, я предпочёл бы остаться дома и скачать из интернета какой-нибудь фильм. Но Надя, как часто бывало, настаивала на «выходе в люди». Мол и так кино за неделю посмотрелись, пора и честь знать.

Собственно, я не был так уж прям против...

...Вагон – сегодня почему-то на удивление пустой – послушно довёз нас куда требовалось и остановился.

ВДНХ. Станция, известная, наверное, на всю Россию. Почему? А хрен его. Никогда не знал и, более того, не стремился. Может, из-за парка? Тут классный парк, разные аттракционы, всё как полагается...

В общем, не суть. Мы приехали сюда отнюдь не кататься на колесе обозрения или чём-то ещё. Просто здесь, в минутах этак десяти от метро, стоял один классный ресторанчик. Ничего особенного, ничего дорогого. Но нам нравилось – мы часто сидели там раньше, когда ещё не жили вместе, а Надя училась в институте. Вот и сейчас... кольнуло что-то романтическое в душе. Дух прошлого – сладкого, чарующего прошлого – уверенно потребовал своё. И мы поехали сюда, на ВДНХ. Поехали, чтобы вспомнить, как всё было...

...За прошедший год ресторан практически не изменился. Всё те же круглые столики, всё те же лампы с красноватыми стёклами, всё те же официанты... Я глубоко вздохнул. Даже воздух – с легким привкусом каких-то специальных трав – остался тот же.

Здесь всё начиналось...

Надя уже уверенно шла к одному из свободных мест, когда я, повернув голову, буквально остолбенел.

Константин!

В полном одиночестве мой недавний спаситель сидел на высоком стуле у барной стойки и, судя по всему, тупо глушил водку.

– Надь!

Девушка послушно остановилась, вопросительно кивнула головой.

– Помнишь, я рассказывал тебе о парне, что подвез меня неделю назад? Ну с дачи Александровых, когда у них дядя умер?

– Ммм... Финансовый директор?

– Именно. А теперь посмотри вон туда, – я протянул руку, – тот тип в тёмно-синем костюме – это как раз он.

Пару секунд Надя задумчиво изучала Костю, затем медленно произнесла:

– Знаешь, примерно так я его и представляла... А чем он занимается? Сидит один, рядом лишь графин с водкой...

– Ну вот этим, надо полагать, и занимается, – произнеся последнее слово, я пожал плечами.

– Ну-ну... Ладно, пошли давай, пока стол никто не занял.

– Постой... Надя, я... я должен подойти к нему, поздороваться. И вас заодно познакомлю. А то некрасиво как-то получится, сама подумай...

Я не произнес этого вслух, но дело было отнюдь не только в красоте или «некрасивости». Просто почему-то мне вдруг действительно захотелось обмолвиться парой слов со своим недавним спасителем, не знаю уж почему. В конце концов мы неплохо поболтали тогда, неделю назад, да и человеком Костик был интересным... Чёрт возьми, пожалуй я был даже рад, что увидел его тут минуту назад! Харизма, наверное...

– Да ну его, Игорь, – повернулась ко мне Надя, – пусть себе сидит дальше. Не хочется совершенно.

– Да ладно тебе. Давай подойдем! Я хочу вас познакомить. Дел-то на пару минут всего...

– Ну-ну... – как-то задумчиво произнесла девушка, – Ладно, что уж с тобой поделаешь... Веди.

Странны и непредсказуемы дороги судьбы, размышлял я в те короткие мгновения, пока ноги шагали по направлению к барной стойке, – Москва огромный, многомиллионный город – каковы шансы встретится со случайным человеком вновь? А ведь встретились же...

– Игорь?! – Лицо Кости озарилось таким же удивлением, какое, надо полагать, было и у меня короткое время назад. – Что ты здесь делаешь?

– Отдыхаю со своей невестой, – я усмехнулся. – А вот кстати и она, знакомьтесь. Надя, Константин.

– Приятно познакомиться, Надежда.

– Взаимно, Игорь немало рассказывал о вас. Спасибо, что помогли моему недотёпе – иначе ему точно не поздоровилось бы, когда он наконец-то пришёл домой, – девушка улыбнулась, показывая, что последние слова не следует воспринимать всерьёз.

...Надя всегда умела наладить разговор – если хотела этого сама, разумеется. Черта, которой я, признаться, даже немного завидовал...

– Выпьете со мной? А то одному, сами понимаете, не очень-то весело...

Я вопросительно взглянул на Надю. Она не особо хотела подходить, так что решать ей...

– Конечно, – без малейшего промедления сказала девушка, решительно усаживаясь на соседний стул, – Только мы, наверное, лучше пиво. Да, Игорёк?..

...Какое-то странное, совершенно непонятное мне выражение промелькнуло на лице Кости – всего на один краткий миг, Надя, скорее всего, даже не успела заметить. Там было перемешано всё – и ностальгия, и романтика, и некая злость... Но больше всего было боли.

Боли и... растерянности, пожалуй... Какого-то глобального, просто вселенского недопонимания...

Я закрыл глаза, чётко произнес «Раз» – и открыл их снова.

– Да, Надюш, лучше пиво.

– Тогда и я с вами, – практически сразу произнес Костик, – отложим водку для другого раза, ну её к черту. Надоела хуже горькой редьки на самом деле. А вот хорошего пива я давно уже не пробовал...

– Что ж, тогда не будем мелочиться, – я повернулся к бармену, – Шесть бокалов «Стародуба», пожалуйста. И рыбы, наверное...

– К черту рыбу, – влез Костик, – раки есть? Давай, штук двадцать. Вон тех, побольше которые, ага. Да и пиво лучше... эээ... Хенкель думаю.

Мы с Надей переглянулись: новый заказ стоил раза этак в три больше...

– Я угощаю, – просто сказал Костя, – только не спорьте! Я этого хочу, бабки есть. Ты, Игорёк, и так знаешь. Идёт? – он взглянул в глаза Наде, потом мне. – Благодаря вам хоть поговорю с кем-нибудь нормально, а не об облигациях и прочей ерунде...

– Идет, – подождав с полсекунды, улыбнулась девушка, – но смотри, ты сам напросился!

...Мы сидели долго. Пили, говорили, смеялись... Всё как полагается, в общем. Выяснилось, что Костя заехал в ресторан сразу после какой-то важной рабочей встречи, где он представлял разработанные им и его помощниками аг... ам... короче, опустим. Жена нашего финансового директора была в командировке, дочь – под надзором какой-то специальной няни. Вот Костик и решил немного развеяться перед сном...

...Вечер почти уже перешёл в ночь, когда мы, наконец, вывалились на улицу. Здесь наши пути расходились – нам с Надькой нужно было успеть на метро, Костика же ждала его машина...

– Ну что, давай? – сказал я слегка заплетающимся от выпитого языком, – Посидели отлично, надо будет повторить, как у тебя будет врр... ик... время.

– Давай, – неожиданно серьёзно произнес Костя, а в следующее мгновение... резко и сильно ударил меня по лицу.

Я ещё слышал крик Нади – отдаленно, будто находился в целом квартале отсюда – а потом как-то вдруг ноги сами собой прогнулись, асфальт качнулся, словно поверхность океана во время шторма и ночь – наша светлая майская ночь – стала стремительно темнеть...

...Уже падая, я подумал, что совершенно не чувствую боли. Удивления не было тоже, как будто всё шло по заранее предписанному плану...

* * *

...Очнулся я от того, что мне на голову лилась ледяная вода. Дальнейшее... в следующий миг на меня свалилось столько информации, что просто физически невозможно описать всё сразу.

Во-первых, Костя – его улыбающееся лицо я опознал, наверное, всё-таки чуточку скорее прочего. Финансовый директор стоял на расстоянии тридцати сантиметров – и аккуратно, словно заботливый садовник, поливал мою голову из стеклянного графина. Я сидел на стуле... и был привязан. Да-да, руки были заведены назад и жёстко прикручены к спинке, на ноги веревки не пожалели тоже... Единственное чего не хватало, так это кляпа – но рот, Слава Богу, оставался свободен. Только что (хотя кто знает, сколько времени уже прошло на самом деле?) мы разговаривали об ужасиках. А сейчас я сам практически стал участником такого фильма...

Второе, это боль в скуле. Именно там, куда меня ударил Константин, прежде чем я потерял сознание. Физически ощущалось, что щека уже успела распухнуть (что, кстати, говорило

о том, что времени прошло не так уж и мало) и «расползтись». Боксером наш «друг» был, наверное, и впрямь неплохим...

И третье, самое главное – это Надя. Она была точно также прикручена к стулу всего в нескольких метрах от меня. Только её рот закрывал аккуратно наклеенный кусочек скотча, а сама девушка до сих пор пребывала без сознания. На левой щеке Надежды распухло большое красное пятно – надо полагать, точно такое же, как и у меня...

Место, где мы находились, было мне незнакомо – высокие потолки, светлые стены, вазы с цветами, в углу так и вовсе пальма (декоративная, небольшого размера)... Вся мебель была здесь исключительно из настоящего дерева и оттерта, буквально, до блеска. И порядок, просто идеальный, исключительный порядок – ни тебе брошенных на полу тапочек, ни небрежно кинутой на полу книги... Место нашего пребывания можно было смело фотографировать и отправлять в какой-нибудь дорогой журнал – с надписью «продается новая вилла, цена...».

Такого никогда, НИКОГДА не бывает там, где живет хоть кто-нибудь, люди просто не в состоянии так существовать – даже прославившееся своей аккуратностью немцы. Так где же мы оказались?! И что... что нужно от нас этому придурку с вазой?!

«Придурок с вазой» меж тем перестал поливать мою макушку и теперь просто стоял, ожидая, как видимо, какой-то реакции.

Первые мысли... не скрою, они были панические. Возможно даже, недостойные настоящего мужчины – по крайней мере того его образа, что постоянно прививают нам из телевизора. Хотя, кто на моем месте сохранил бы спокойствие? Очнуться привязанным к стулу неизвестно где, когда твоя девушка выглядит так, будто только что сошла с боксерского ринга, а парень, с которым ты только что пил пиво, поливает тебя холодной водичкой? И, главное, совершенно непонятно как это произошло и зачем это вообще кому-либо нужно. Точнее, как ещё можно примерно понять – не дебил же я, в самом деле – но вот зачем? Мы же не олигархи, не бандиты, у нас нет родственников – членов государственной думы... За нас некому платить, некому заступиться... Мы просто обычные граждане своей страны – такие же, как миллионы и миллионы других, не лучше но и не хуже. Так зачем? Зачем? ЗАЧЕМ?!

И, самое животрепещущее – что будет дальше? Чего же хочет Костик – или тот, кто стоит за его спиной?

А Надя ведь говорила, что не стоит к нему подходить – кольнула неизвестно откуда взявшаяся мысль. И опять оказалась права...

Хотя, если это было нужно, нас, не сегодня так завтра, достали бы так и так... Все данные – что мои, что Надежды – занесены в справочники, паспортные столы и всё такое прочее. Мы же ни от кого никогда не прятались...

Но мы ведь случайно встретили Костю. СЛУЧАЙНО. Что тогда, на дороге (не подкарауливал же он специально, зная, что на даче никого не будет, а у меня сядет мобильник), что сегодня, в ресторане. Когда мы пришли он уже был там – и более того, сидел ко входу спиной, и никак, ну просто НИКАК не мог меня увидеть. И уж тем более, рассчитать, что мы пойдем сегодня гулять именно в этот треклятый ресторан. И я сам предложил к нему подойти...

Да что же это такое, черт побери?! Что это все значит?! Почему?!

Костик – в темно-синих брюках от своего дорогого костюма и тщательно заправленной белой рубашке – всё так же молча стоял и смотрел – как мне показалось, с интересом.

Истерика умерла, не успев родиться. Чтобы тут не происходило, я не должен показывать свою слабость. Этот ублюдок ждет от меня криков и жалобных соплей? Фигушки. Не дождется.

Когда-то я читал книгу, тамошний герой попал в похожую ситуацию. Так вот, вместо того, чтобы попусту сотрясать воздух, он вел себя совершенно спокойно – как будто так и надо. Чем несколько сбил, насколько я помню содержание романа, своих противников с толку. И выиграл немного времени для себя.

Нужно попробовать взять с него пример... Бросив последний взгляд на находящуюся без сознания Надежду, я поднял глаза.

– Что тебе от нас нужно?

Тон, вроде, удалось выдержать достойный – без дрожи и отчаянно-визгливых нот...

– Очнулся, – с приятной улыбкой ответил Костя, аккуратно ставя на пол стеклянный графин, – и заговорил даже. Это хорошо.

– Что тебе, придурок, нужно?! Развяжи меня!

– Тсссс, – финансовый директор успокаивающе поднял руку, – не спеши. И ругаться не стоит – я, как-никак, РГСУ на отлично окончил. Придурок с этим не справился бы, думаю.

– А нормальный человек не привязывал бы полунезнакомых людей к стульям в каком-то гадюшнике.

– Ну уж так прям и гадюшнике... Не лукавь, Игорёк, не лукавь. Шикарный ведь номер, да? Спорю на бокал самого лучшего пива, ты никогда в таких раньше не останавливался. Я прав? – и он вздохнул, не дожидаясь ответа на свой риторический в общем-то вопрос, – эх! Знал бы ты сколько я бабок отвалил за всю эту красоту... Даже говорить не буду, чтобы не расстраивать зря... Лучший номер в одной из лучших гостиниц Москвы! А ты гадюшник...

– Не беспокойся, переживу как-нибудь. Скажи в конце концов что тебе нужно, мне это гораздо интересней. И от меня и от неё, – короткий кивок в сторону находящейся без сознания Нади.

С лица Кости исчезла улыбка, и он резко сел на корточки – прямо возле меня, лицо в лицо.

– Очень, – директор сделал особое ударение на этом слове, – **ОЧЕНЬ** скоро узнаешь. Но если я ещё раз услышу эту дурацкую фразу – про то, что мне нужно – пеняй на себя. Доходчиво объяснил?

Как-то против воли, я слегка кивнул. Конечно, в такой ситуации это говорить немного ненормально, но... именно сейчас мне стало по-настоящему страшно. Гораздо страшней, чем даже в первые секунды после вынужденного пробуждения...

– Ну и отлично, – Костя уже стоял и снова улыбался, – как кстати башка? Болит? – он легко прикоснулся к вздувшейся скуле, – я ведь ещё тогда говорил, что был отличным боксером. А ты, наверное, не верил? Сознайся, не верил ведь? Мол разболтался этот мешок с деньгами – ну да и хер с ним, пусть болтает. Так? А я с одного удара что тебя, что её вырубил – это спустя-то столько лет! Способна значит на что-то офисная крыса, кроме как штаны в креслах просиживать? А?

– Почему же, – не без некоторого усилия разлепил я вновь губы, – верил. Даже тип фигуры под костюмом постарался прикинуть примерно.

В другой ситуации после таких слов последовала бы легкая усмешка...

– Хорошо. Мы здесь, у нас, судя по всему, есть время. И есть даже своя запрещенная для обсуждения тема. – С трудом, но мне удавалось смотреть прямо, не косясь на находящуюся рядом Надежду, – так о чем же мы будем говорить? Не зря ведь ты мне рот открытым оставил...

– Говорить? – На мгновение Костя сморщил лоб, сделав нарочито задумчивое лицо, – о чём же нам с тобой поболтать?..

Время. Мне нужно время, чем больше, тем лучше. Часы, минуты, секунды... В таких случаях время всегда играет против подобного типа ублюдков. Нас хватятся, позвонят в милицию, начнется землетрясение или пожар... Кончится срок аренды номера в конце концов. Что-нибудь произойдет, произойдет обязательно. Нужно всего лишь время.

Нужно говорить...

– Скажи, тебе нравится моя прическа? – и Костя специально повернул голову, чтобы я мог разглядеть её получше.

Темные волосы директора были подстрижены весьма коротко и чрезвычайно аккуратно: тщательно подровненные виски, практическая идеальная – волосок к волоску – челка (если эти полтора сантиметра вообще можно было так проименовать)... Так ходили тысячи, десятки тысяч людей вокруг. Официально их прически носили разные названия и даже вроде бы в чем-то действительно отличались, но на мой взгляд это было как отличие двух видов серых мышей: специалист разберет, а вот человек обычный...

– Честно?

– Честно, – Кивнул Константин, – здесь у нас вообще каждое слово будет честным. Что твое, что моё...

– Серость, – наверное, не будь я привязан к стулу, то пожал бы плечами, – Безлико. Аккуратно, но совершенно безлико. Хотя ребятам в дорогих костюмчиках с галстуками на шее так, наверное, и полагается. Под стать одежде.

Костя рассмеялся.

– То есть тебе не понравилось, я правильно понял?

– Правильней некуда.

– А что ты ответишь, – директор резко сменил интонацию, в его голосе блеснули злые, агрессивные искры, – если я скажу, что сам практически всю жизнь думал точь-в-точь как ты? А когда я учился в институте у меня и вовсе были волосы длинной до плеч? На ринге я завязывал их в тугий хвостик, на концертах, играя на гитаре, распускал...

– И что? Время всё меняет, ты ничем меня не удивил.

– Время меняет внешний вид, а вот души, к сожалению, далеко не всегда... Я подстригся – примерно также, как и сейчас – вскоре после института, когда пошёл на работу. И стригусь так по сей день – раз в месяц, шестнадцатого числа. Понимаешь, финансовый аналитик не должен выглядеть как чучело – так мне сказали когда-то. Он должен быть всегда побрит, и аккуратно, коротко подстрижен. Иначе не поймут, иначе нельзя. Финансовому директору в этом плане ещё хуже... Ответственное ведь лицо, встречается с авторитетными людьми!.. Игорь! Я намного богаче большинства жителей Москвы, но не могу сам решать, как именно мне стричься! И это, поверь, только небольшая часть огромного кома моих «привилегий»... Чтобы управлять – действительно, по-настоящему управлять собственной жизнью – нужно быть или где-то на самом вершине, или... или не лезть в это совсем. Как, например, ты.

– Ну вот и бери с меня пример, – буркнул я, – ты сам всё выбрал, тебя, насколько я понимаю, с пистолетом у виска никто не принуждал.

– Хм. Я бы не сказал, что ты понимаешь так уж правильно... да и с примером не всё просто на самом деле... ну да ладно, речь не о том.

– И о чем же у нас речь?

– У нас? О Тарантино, конечно. О Квентине Тарантино – мы обсуждали некоторые его фильмы сегодня... то есть, пардон, уже вчера вечером. Помнишь?

Костя уже который раз без всякого предисловия менял тему и это пугало меня. С головой у финансового директора серьезные проблемы, это ясно. Но вот насколько они серьезны... Причем здесь Тарантино?! Разве что, – кольнула вдруг холодная и очень неприятная мысль, – то, что в своих художествах именитый режиссер показывал тоже разных свихнувшихся типов. В Криминальном Чтиве, помнится, и вовсе схожий момент был...

Господи, хорошо хоть Надя в отключке и ничего не видит...

– Помню, – кивнул я, – что дальше?

– Обсуждая кино Квентина Тарантино, мы говорили о том, как бабки портят человека. Сравнивали его первые фильмы с этим, как его... – Костя прищелкнул пальцами, – про вторую мировую, в общем. Говорили и о «Бешеных Псах», конечно. Верно?

– Верно...

– Гениальная вещь. Тебе, насколько я помню, тоже понравилось... Так вот. В фильме был эпизод, когда Мистер Блондин – его, как ты знаешь, играл Майкл Мэдсон, – высший, между нами говоря, актер – привез на склад пленного копа. Связанного, с кляпом во рту – всё как полагается, в общем. Припоминаешь?

Урод в дорогих штанах говорил с расстановкой, неспешно, явно восхищаясь собой в этот момент. Я же... я сидел, обливаясь холодным потом и весь обратившись в слух. И понимал, понимал, понимал! Понимал, куда клонит мой новоиспеченный товарищ...

– Так вот. Копы они вытащили, потом долго били, – в следующую секунду Костя оказался возле меня, легко, будто играя, коснулся распухшей от удара щеки, – а некоторое время спустя Мистер Блондин остался с пленником наедине...

Резким движением финансовый директор дернул мою голову назад, сильно нажал на болящую скулу... и, как только рот раскрылся в непроизвольном крике, запихнул в него заранее приготовленную серую тряпку.

Ошалевшее, горящее ярким огнем сознание попыталось заставить тело выплюнуть насильно впихнутую гадость – но Константин уже ловко заклеивал мне рот очень кстати оказавшимся под рукой скотчем.

Точно также, как какое-то время назад он проделал это с Надей...

Дикий крик ужаса на выходе превратился в невнятное мычание, сразу стало тяжело дышать, кровь дико запульсировала по всему мозгу...

– Так вот, – словно ни в чем ни бывало продолжил Костя, – как я уже говорил, Мистер Блондин и пленный полицейский – или шериф, кто их там, в Америке, разберет – остались наедине. Мистер Блондин включил музыку... у нас здесь, между прочим, тоже есть магнитофон – в номерах такого уровня они всегда есть – и стал танцевать. Песня ещё такая забавная была... как же её... в общем, к черту. Я хорошо запомнил как он был одет – черные штаны от костюма (они все там были в костюмах кстати говоря), обычная белая рубашка и подтяжки. У меня, как видишь, подтяжек нет – всё-таки фильм снимался в начале девяностых, столько воды утекло... Ну а дальше ты знаешь – Мистер Блондин сел и отрезал полицейскому ухо. Бац – и всё. Готово. Потом он хотел его поджечь... но персонажа Майкла Мэдсена застрелил нестати очнувшийся коп – тот самый, которого играл Тим Рот, с пулей в брюхе.

Так погиб Мистер Блондин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.